

III Международный фестиваль Мстислава Ростроповича, 27 марта — 27 апреля

Дочь Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской рассказала "ВД" о фестивале в честь 85-летия отца, его виолончелях и дневниках императрицы Марии Федоровны.

Со дня рождения Мстислава Ростроповича 27 марта по день его кончины 27 апреля в Москве пройдет традиционный фестиваль, посвященный великому виолончелисту, дирижеру, гражданину. Даже на фоне масштабных праздников прошлых лет смотр поражает размахом и уровнем исполнителей.

— Ольга, должен выразить восхищение программой: Оркестр де Пари, Академия Санта-Чечилия, Оркестр Санкт-Петербургской филармонии под управлением Юрия Темирканова... Редкий фестиваль в мире может похвастаться такой обоймой звездных коллективов.

— Спасибо, но надо благодарить прежде всего папу, чье имя привлекает лучших музыкантов, и сами коллективы, которые из уважения к памяти отца сделали изменения в напряженных графиках, чтобы приехать сюда. Например, Юрий Хатуевич всегда мне говорит: все, что связано с именем твоего отца, для меня свято... В этом году он нас балует, даря вечер Рахманинова, — в программе Второй концерт и Вторая симфония.

— В афише — концертное исполнение "Леди Макбет Мценского уезда" Шостаковича. У вашего отца было особое отношение к этому произведению? После возвращения на Родину он исполнил это сочинение одним из первых.

— Шостакович был для папы учителем и кумиром, и я очень хотела в юбилейный папин год открыть фестиваль этой оперой. Но мама, услышав об этом, сказала: "Оля, ты с ума

сошла, папочка номер два! Ноги переломаешь..." Сложность не только в головоломности партитуры, но и в задаче, которую я поставила: пригласить музыкантов ведущих симфонических оркестров Англии, чтобы они усилили наш оркестр "Русская филармония". Это напоминание о том, что, когда папа записывал в Англии "Леди Макбет...", он собрал такой сводный британский оркестр. И некоторые музыканты из того состава снова к нам приедут. А маме я ответила: "Папа, открывая фестиваль собственного 85-летия, наверняка бы поступил именно так. Я это знаю абсолютно точно".

— Интересный момент — выступление Максима Венгерова. Они с Мстиславом Леопольдовичем вместе играли, вместе "Грэмми" получали... Максим рассказывал, что как-то даже прожил целое лето в квартире Ростроповича и за это время понастоящему открыл и полюбил Москву.

— Папа относился к Максиму, как к сыну. Странное совпадение: папа ушел в 2007 году — и тогда же Максим перестал играть. Он, конечно, занялся дирижированием, но только сейчас вернулся к скрипке. Мне казалось, что свой первый сольный концерт в Большом зале консерватории Максим должен сыграть на папин юбилей.

— В программе есть и джазовый вечер?

— О-о, за этим драматическая история. Папа любил сюрпризы, и я подумала — не разбавить ли классику джазом: дай приглашу оркестр Гленна Миллера. Вдруг узнаю, что они играют в Доме музыки. Прихожу — и случается шок. Я 40 лет прожила в Америке, это в полном смысле моя страна, моя культура. Но то, что я там вижу и слышу, — не оркестр Гленна Миллера. Пианист говорит с явным немецким акцентом, хотя и старается выглядеть американцем. Трубачи играют, как уставшие пенсионеры, певица... ну, да ладно. Иду искать их менеджеров: господа, что это? Это не тот Glenn Miller Orchestra, который я знаю. Менеджер смотрит, не моргая: мы купили лицензию на это имя, все законно. Что делать? Ясно, что такая самодеятельность невозможна у нас на фестивале. Но надо найти замену. И буквально через сутки я ее нашла — оркестр Диззи Гиллеспи! В этот раз все перепроверила: все музыканты действительно играли с самим Диззи. Убеждена — это папа мной продолжает руководить, не давая ошибиться.

— Где сейчас находятся виолончели Мстислава Ростроповича?

— В Швейцарии, в надежном хранении.

— Почему вы их не привозите? Вы сами говорили, что инструмент должен звучать.

— Обязательно, но пока мы еще не можем на это решиться. Смотришь на инструменты — это папа, живой. Вынимаешь виолончель из футляра, а на ней отпечатки его пальцев. Дать ее кому-то — значит отдать часть того физического, что от папы осталось. Должно пройти время. И должен появиться виолончелист от Бога, такой, чтобы мы все, мама, сестра Лена и я, сказали: папа, наверное, хотел бы, чтобы этот человек играл на его инструменте. Пока такого нет.

— Вы всегда говорили, какие красивые у папы были руки.

— Изумительные, волшебные. Этими руками он мог и играть на виолончели, и починить что угодно, от телевизора до автомобиля. Например, устроил освещение в прихожей московской квартиры, где мы жили до изгнания из Союза. Собрал множество бутылок всех цветов, отрезал донышки, вставил в подвесной пробковый потолок, имевший форму виолончельной деки, сверху ввинтил лампочки... К сожалению, ничего не сохранилось.

— Но сама квартира до сих пор существует. Не было мысли сделать там музей?

— Она слишком маленькая для этого. Но, конечно, хотелось бы, чтобы в Москве был памятный дом Ростроповича. Нужно место, где хранились бы колоссальные папины архивы. Там же уникальные документы — например, дело об убийстве Григория Распутина. Или дневники императрицы Марии Федоровны. Или архив Ильи Репина — то, что собиралось на протяжении жизни, покупалось на аукционах.

— Квартира Шостаковича в Петербурге, которую ваши родители выкупили, восстановили и хотели передать городу, функционирует как музей?

— Город не смог ее принять, как и консерватория, надо переводить ее из жилого фонда в нежилой, это огромная волокита. Она по-прежнему принадлежит нашей семье. Когда кому-то из студентов, музыкантов, исследователей надо туда сходить, мы их водим.

— Сохранились еще вещи, дорогие памятью о папе? Помню ваш рассказ о платье для выпускного вечера, которое он, строгий отец, раскритиковал за то, что коленки видны.

— Это платье и сейчас у меня хранится. Но есть вещи гораздо более серьезные: частично за границей, а частично в нашем петербургском доме находится папин архив, о котором я упоминала. Кстати, если хотите посмотреть на его личные вещи, приходите 25 апреля в четыре часа в Музей Глинки, мы открываем большую выставку, посвященную отцу.